

Глава 1

Улица за окном кондитерской тиха и пустынна. За полчаса до рассвета, когда заря тонкими пальцами едва касается горизонта, мне почти верится, что на Земле нет ни одного человека кроме меня. Сейчас сентябрь, после Дня труда миновало полторы недели. Это означает, что из городков, раскиданных по всему полуострову Кейп-Код, туристы разъехались, бостонцы покинули летние дома до следующего сезона, а улицы обезлюдели, словно в дурном сне.

Листва начинает менять цвет и еще через пару недель, думаю, запылхает всеми оттенками заката, хотя мало кто едет в наши края любоваться осенними листьями. Ценители красивой осени предпочитают Вермонт, Нью-Гемпшир или Беркширские горы в западной части нашего штата, где дубы и клены пламенеют, окрашивая мир огненно-красными и желто-рыжими красками. А на Кейпе вне сезона затишье. Дни будут становиться все короче, трава на дюнах подернется тусклым золотом, огромными стаями соберутся на отдых по пути из Канады перелетные птицы, болото выцветет до акварельных тонов. А я буду

любоваться всем этим, как люблюсь всегда, из окна кафе-кондитерской «Полярная звезда».

Всегда, сколько себя помню, я считала это принадлежащее нашей семье заведение своим домом — его, а не маленький желтый коттедж у залива, где я выросла и куда пришлось вернуться теперь, после развода.

Пока я балансирую, пытаюсь одновременно открыть дверь ногой, удержать на весу два громадных лотка с коричневыми булочками и поглядывая на входную дверь кафе, это слово — развод — звоном отдается у меня в ушах, в очередной раз напоминая мне, что я — никчемная неудачница. Задвигаю булочки в духовку, извлекаю противень с круассанами и бедром захлопываю дверцу, а в голове крутится: вот ведь как бывает — надеешься получить от жизни всё, а в результате только хлопот полон рот. В моем случае — полные руки, в буквальном смысле.

Я так мечтала сохранить семью. Ради Анни. Не хотелось, чтобы дочка росла в атмосфере родительских дрызг, отравившей мое собственное детство. Она достойна лучшего, думала я. Но жизнь вечно нарушает наши планы, не так ли?

Звякает входная дверь — я как раз снимаю с противня слоистые, масляные круассаны. Бросив взгляд на таймер второй духовки — ванильным капкейкам осталось печься всего шестьдесят секунд, — я медлю и не спешу открыть дверь.

— Хоуп? — слышится из-за двери низкий голос. — Ты здесь?

Я облегченно вздыхаю. По крайней мере, кто-то знакомый. С другой стороны, чему тут удивляться? Из тех, кто остался в городке после того, как схлынули туристы, я знаю всех и каждого.

— Погоди минутку, Мэтт! — отзываюсь я.

Натягиваю рукавицы-прихватки — ярко-голубые, с вышитыми по краям кексами, их подарила мне Анни в прошлом году на тридцатипятилетие — и вынимаю капкейки из духовки. Сладкий аромат на миг переносит меня в детство. Моя Мама (так французы обращаются к бабушке) открыла кафе-кондитерскую «Полярная звезда» шестьдесят лет назад, пару лет спустя после того, как они с дедушкой переехали на Кейп-Код. Здесь я росла, здесь, сидя у нее на коленях, училась печь, пока она терпеливо объясняла мне, как замешивать тесто, почему оно подходит и как из самых обычных и более редких продуктов получаются волшебные сладости, о которых из года в год с неизменным восторгом писали «Бостон Глоб» и «Кейп-Код Таймс».

Я укладываю кексы на решетку для охлаждения, а на их место в духовку отправляются два противня с анисово-фенхельным печеньем. Под них на нижнюю полку я задвигаю партию «полумесяцев»: марципановую начинку, ароматизированную флердоранжевой эссенцией и чуть сдобренную корицей, выкладываем в формочку с тестом, а потом аккуратно соединяем края.

Я захлопываю дверцу духовки и отряхиваю руки от муки. Переведя дух, устанавливаю таймер и выхожу из кухни в ярко освещенный зальчик кафе. Какие бы тягостные мысли меня ни мучили, очутившись там, я невольно улыбаюсь: прошлой осенью, когда посетителей почти не было, мы с Анни выкрасили стены кафе в цвета по ее выбору. Розовый, будто платье принцессы, с белым бордюром. Иной раз кажется, что мы живем внутри исполинского пирожного.

Мэтт Хайнс сидит на стуле у стойки и, увидев меня, с улыбкой вскакивает.

— Привет, Хоуп, — здоровается он.

Я улыбаюсь в ответ. У нас с Мэттом был детский роман в старших классах, полжизни тому назад. Все закончилось еще до того, как мы разъехались, поступив в разные колледжи. Я вернулась через несколько лет с дипломом бакалавра — бесполезным незаконченным высшим образованием на юридическом факультете, — недавно обретенным мужем и новорожденной дочкой. С Мэттом мы всегда общаемся вполне дружески. После моего развода он несколько раз приглашал меня на свидания, но я вдруг поняла — и сама удивилась этому открытию, — что мы за эти годы переросли друг друга. Он для меня — как старый свитер, который хоть и удобен, но уже вытерт, да и просто не идет. Жизнь нас меняет, пусть мы сами не замечаем, как это происходит, потому и невозможно вернуть прошедшие годы. Впрочем, Мэтт, похоже, этого не осознаёт.

— Привет, Мэтт, — я стараюсь, чтобы голос звучал нейтрально и приветливо. — Хочешь кофе? За счет заведения, раз уж тебе пришлось подождать.

И наливаю ему кофе, не дожидаясь ответа. Я точно знаю, как любит Мэтт: две ложки сахара и сливки, стакан «навынос», чтобы прийти пораньше в «Банк оф Кейп» (Мэтт — вице-президент его регионального отделения) и успеть просмотреть свои бумаги до открытия. Работает он в двух кварталах от Мэйн-стрит, поэтому разок-другой на неделе непременно к нам заглядывает.

Кивнув, Мэтт с улыбкой берет кофе у меня из рук.

— Чем еще тебя порадовать? — спрашиваю я, показывая на стеклянную витрину. Я здесь с четырех утра, и, хотя еще не со всем управилась, в витрине уже достаточно свежей выпечки. Протянув руку, достаю маленькое пирожное — корзиночку из теста в форме

листика, наполненную лимонным марципаном, сбрызнутым розовой водой с медом.

— Как насчет марципанно-розового? — Я протягиваю его Мэтту. — Я же помню, это твои любимые.

После секундного колебания Мэтт берет пирожное. Надкусывает его и жмурится от удовольствия.

— Хоуп, ты создана для этого, — бурчит он с полным ртом. Похвалить решил. Но его слова больно ранят меня: я-то никогда не собиралась всем этим заниматься. Не такой жизни я хотела для себя, и Мэтту это известно. Но заболела бабушка, умерла мама, и у меня не осталось выбора.

Я отмахиваюсь от его слов, не подавая виду, что они меня задели. Но Мэтт продолжает:

— Да, слушай, я вообще-то заскочил с тобой поговорить. Может, присядешь на секундочку?

Я вдруг замечаю, что улыбка у него какая-то ненатуральная. Удивительно, как это сразу не бросилось мне в глаза.

— Хм, — оглядываюсь я в сторону кухни. Коричные булочки скоро надо будет вынимать, но несколько минут, пока не звякнет таймер, в запасе есть. Посетителей в такой ранний час не предвидится. — Ладно, но только недолго.

Я наливаю и себе кофе — черный, моя третья чашка за утро — и присаживаюсь на стул рядом с Мэттом. Облокотившись на стол, я готовлюсь услышать очередное приглашение на свидание. И не знаю, что ответить. Занимаясь мужем и дочкой, я растеряла за последние годы большую часть друзей и не хочу лишиться еще и Мэтта — вот такая я эгоистка.

— Ну, что скажешь?

По тому, как он медлит с ответом, я начинаю подозревать неладное. Просто дело в том, что за последнее

время я привыкла к дурным вестям. Мамин рак. Бабушкин Альцгеймер. Муж, решивший, что больше не хочет быть мне мужем. Поэтому меня застает врасплох вопрос Мэтта: «Как там Анни?»

Я впиваюсь в него глазами, сердце внезапно начинает бухать в груди — я судорожно соображаю, что он такого знает, а я еще не в курсе.

— В чем дело? Что случилось?

— Да я просто так спросил, — поспешно отвечает Мэтт. — Из вежливости. Для поддержания разговора.

— Уф, — выдыхаю я, с облегчением поняв, что он не принес плохих новостей. Я бы не удивилась, услышав, что мою дочь застукали за каким-нибудь мелким хулиганством вроде магазинной кражи или раскрашивания стен школы из баллончика. Девочка очень изменилась после того, как мы с ее отцом разошлись, стала нервной, обидчивой, враждебной. Несколько раз я, мучаясь виной, обыскивала ее комнату — боялась обнаружить сигареты или наркотики. Но пока что единственной переменной остается постоянная готовность Анни к ссоре.

— Извини, — говорю я, — полоса такая, все жду очередной неприятности.

Мэтт опускает голову.

— Может, поужинаем вечером? — спрашивает он. — Ты да я. Анни ведь сегодня у Роба, верно?

Я киваю. Мы с моим бывшим совместно отвечаем за воспитание дочери. Меня это постановление суда не слишком радует, Анни оно явно не на пользу: такая жизнь на два дома вряд ли ей поможет обрести устойчивость.

— Даже не знаю, Мэтт, — начинаю я, — мне кажется... — Я подыскиваю слова, которые прозвучали бы не обидно. — Может, еще слишком рано, понимаешь?

Развод был совсем недавно, и Анни так тяжело все это переносит. Я думаю, лучше бы нам просто...

— Хоуп, речь об ужине, и только, — перебивает Мэтт. — Я не делаю тебе предложения.

У меня мгновенно вспыхивают щеки.

— Конечно, нет, — бормочу я.

Мэтт смеется и накрывает ладонями мои руки.

— Расслабься, Хоуп, — добавляет он с легкой улыбкой, заметив мои колебания. — Питаться-то как-то надо. С этим хоть согласна?

— Ну да, — отвечаю я.

В этот момент распаивается уличная дверь и входит Анни. Рюкзак висит на одном плече, на носу темные очки, хотя еще даже не рассвело. Застыв на месте, она смотрит на нас, и я моментально понимаю, о чем она подумала. Отдергиваю руки, но уже поздно.

— Прекрасно, — комментирует Анни. Сняв очки, она взмахивает головой так, что грива длинных и волнистых светлых волос с темными прядками рассыпается по плечам. Она сверлит нас темно-серыми глазами, отчего они больше обычного напоминают грозовые тучи. — Вы тут что, собирались типа обниматься, если бы я не вошла?

— Анни, — говорю я, поднимаясь, — ты все не так поняла.

— Неважно, — бурчит Анни. Это у нее новое любимое словечко.

— Будь повежливей, тут Мэтт, — начинаю я.

— Неважно, — повторяет моя дочь, для пущей выразительности закатывая глаза. — Я пошла на кухню. Так что типа спокойно продолжайте в том же духе.

Я беспомощно смотрю Анни вслед — та с шумом захлопывает за собой двойную кухонную дверь. Слышно, как она швыряет на стол рюкзак с такой

силой, что от удара дребезжат уложенные штабелем лотки из нержавеющей стали. Я морщусь, точно от боли.

— Прости, — поворачиваюсь я к Мэтту.

Его взгляд упирается в хлопнувшую дверь.

— Ух какая!

Выдавливаю улыбку:

— Детки.

— Честно говоря, не представляю, как ты с ней справляешься, — вздыхает Мэтт.

Я сухо киваю в ответ. Критиковать мою дочь позволительно мне — но не ему.

— Ей сейчас нелегко. — Я встаю, поглядывая в сторону кухни. — Она очень переживает из-за развода. И вообще вспомни-ка себя в седьмом классе. Уж точно не самое простое время.

Мэтт тоже поднимается.

— Но ты разрешаешь ей так с собой разговаривать...

Я сжимаюсь, внутри всё скручивается в тугую узел.

— До свидания, Мэтт. — Я до боли стискиваю зубы.

Не давая ему времени ответить, разворачиваюсь и почти бегом направляюсь к кухне в надежде, что он правильно поймет намек и удалится.

— Нельзя грубить клиентам, — обращаюсь я к Анни, входя в кухню через двойные двери.

Она стоит ко мне спиной, замешивая что-то в миске — скорее всего, тесто для шоколадных капкейков «красный бархат». В первый момент мне кажется, что дочка намеренно меня игнорирует, но тут я замечаю наушники. Чертов айпод.

— Эй, — повышаю я голос. Ответа нет, так что подхожу вплотную и выдергиваю наушник у Анни из левого уха. Она подскакивает и разворачивается ко мне, сверкнув глазами, как будто я дала ей пощечину.

— Господи, мама, что за дела? — вопрошает она.

Лицо излучает такую агрессию, что я замираю от неожиданности. Но и сквозь эту злобу все равно вижу ласковую девчушку — ту, что любила, устроившись у меня на коленях, слушать сказки Мами, малышку, которая бежала ко мне за утешением с каждой царапиной и ссадиной на коленке. Девочку, которая дарила мне украшения из пластилина и требовала, чтобы я надевала их, когда мы идем в торговый центр. Та Анни и сейчас где-то там, внутри, но скрыта под ледяной коркой. Почему все так изменилось? Мне бы сказать, что я люблю ее, предложить помириться, но вместо этого слышу собственный сухой вопрос:

— Разве я не говорила тебе, что не надо ходить в школу накрашенной, Анни?

Дочь щурит неумело подведенные глаза, кривит в улыбке губы с вульгарной красной помадой.

— А папа сказал, что можно.

Мысленно посылаю Робу проклятия. Он, похоже, задался целью опровергать каждое мое слово.

— Ну а я говорю, что нельзя, — твердо стою я на своем. — Так что ступай-ка в ванную и смой это все.

— Не буду, — заявляет Анни. Она вызывающе упирается кулаками в бока. Смотрит прямо мне в глаза, не замечая, что пачкает джинсы шоколадным тестом. Когда это обнаружится, виновата наверняка буду я.

— Это не обсуждается, Анни, — подвожу я итог. — Умойся немедленно, или вообще никуда не пойдешь.

Я говорю ледяным тоном и тут же вспоминаю собственную мать. Как же я себя ненавижу в такие минуты — однако взгляд Анни выдерживаю, не мигая.

Она отводит глаза первой.

— Плевать! — она срывает фартук и швыряет на пол. — Я вообще не обязана тут пахать. — Анни

яростно взмахивает руками. — Это эксплуатация детского труда!

Я закатываю глаза. На эту тему мы беседовали десять тысяч раз. Формально Анни не работает в кондитерской. Но у нас семейное предприятие, и я приучаю ее к ремеслу, она помогает мне так же, как я, когда была ребенком, помогала маме, а мама в детстве — бабушке.

— Анни, я не намерена снова пускаться в объяснения, — говорю я сурово. — Если хочешь, можешь вместо помощи в кондитерской стричь газон или делать всё по дому.

Анни выскакивает, хлопнув дверью — видимо, в ванную.

— Я тебя ненавижу! — выкрикивает она прежде чем скрыться из виду.

Слова пронзают мне сердце, как клинок, хотя я помню, как сама в возрасте Анни кричала матери что-то подобное.

— Ну да, — бормочу я, поднимая брошенную на столе деревянную ложку и принимаясь вымешивать тесто. — Тоже мне новость.

К половине восьмого, когда Анни обычно отправляется в среднюю школу «Морской бриз», до которой ей топать пешком четыре квартала, у меня готова вся выпечка, а кафе заполнили постоянные посетители. В духовке готовится свежая порция штруделя «Роза», нашего фирменного — с яблоками, миндалем, изюмом, цукатами из апельсиновых корок и корицей, и по кондитерской разносится умиротворяющий аромат. Кей Салливан и Барбара Кунц, две восьмидесятилетние вдовы, живущие через дорогу, поглядывают в окно и что-то увлеченно обсуждают, попивая кофе за столиком у самой двери. Гэвин Кейс, которого я летом нанимала отремонтировать

мамин дом, сидит за соседним с ними столиком — пьет кофе с эклером и листает «Кейп-Код Таймс». Дерек Уоллс, вдовец, — он живет на побережье — пришел сегодня с детьми. Четырехлетние близнецы Джей и Мерри слизывают глазурь со своих ванильных капкейков — своеобразный завтрак, прямо скажем. А Эмма Томас (эта пятидесятилетняя медсестра из хосписа до конца ухаживала за мамой) стоит у прилавка, выбирая пирожное к чаю.

Я как раз собираюсь упаковать черничный маффин для Эммы, когда у меня из-за спины выскальзывает Анни, в куртке и с рюкзаком на одном плече. Я хватаю свою девицу за другое плечо, так что улизнуть ей не удастся.

— Посмотри-ка на меня.

— Не хочу, — бурчит она, потупив глаза.

— Анни!

— Неважно. — Анни поднимает голову, и я вижу, что она заново накрасила ресницы и вымазала рот безобразной помадой. Похоже, в ее арсенале появились и румяна — два пунцовых пятна на скулах.

— Смой это, Анни, — говорю я. — Сейчас же. И оставь мне всю свою косметику.

— Ты не имеешь права, — дерзит дочь. — Я ее на свои деньги купила.

Оглянувшись, я замечаю, что в кафе все стихло, только Джей и Мерри щебечут в углу. Гэвин смотрит на меня сочувственно, а старушки у двери просто глазят. Ужасно неловко. Я и так уже считаюсь главной неудачницей городка — не сумела сохранить брак. А как же иначе — о Робе здесь все отзываются как о превосходном человеке, мне такой муж достался! Ну вот, а теперь все узнают, что я и мать никудышная.

— Анни, — цежу я сквозь стиснутые зубы, — не тяни время. И уж на этот раз ты точно никуда не пойдешь за то, что не слушаешься.